

Из записок К. Е. Антаровой

1

Признание самим учеником в себе тех или иных, ещё не совсем покорённых, страстей есть явный признак, что самая страсть как таковая уже не стоит на пути к повышению его духовных возможностей.

Духовная сила не идёт в своём развитии теми путями, которые пригодны на земле при достижениях умственной работы нетворческого характера или *чисто физической* работы, без затраты мышления.

Обычная, *привычная* умственная работа в любой области затрагивает только те борозды головного мозга, которые включаются автоматически. То есть привычный процесс, — так же, как в любой совершенной машине, — состоит из ряда мелких, логических, подготовительных действий, при совокупности которых появляется какое-то следствие — результат. Результат может быть безошибочен, если *все* действия были верны, но может быть и ошибочен, если какое-то *одно* звено не до конца правильно выполнило свою роль. Здесь — автоматизм.

В духовном пути не может быть такого положения, когда гармонии всех проводников человека, в которой он жил «вчера», достаточно и на «сегодня».

Если «сегодня» в духе человека не раскрылся шире его взгляд на обязанности дежурства, если в сердце человек не почувствовал сегодня большей снисходительности к своим окружающим, не ощутил большего к ним тепла, если мысль его не искала путей для большей чистоты, для большего оправдания своих ближних и близких, человек был подобен прекрасной машине, заправленной умом раз и навсегда и подающей свой привычный результат.

Если человек десятки лет идёт всё тем же привычным путём, прекрасно выполняя свои дела, вовремя садясь за свою работу, честно и усердно перечитывая нужные ему для привычной работы книги, он превращается в ту же совершенную машину, подающую один и тот же безукоризненный результат. Но творчества в его дне нет.

Творчество — это *жизнь*, неустанное движение духа, а не спокойное стояние на одних и тех же масштабах, на постоянной амплитуде качаний маятника духа.

Даже самое малое движение духа вперёд требует от человека *всего* напряжения его чистоты, мира, радости и внимания. Но «внимание» ученика — это не простое наблюдение, учитывающее пользу другому существу. Это доброта плюс полное переключение своих личных интересов на *необходимость* чего-то высокого и гармоничного в атмосфере *тех, кто живёт вместе с учеником*.

Часто живя «семьёй», люди упустили то время, когда воспитывать надо было человека на *полном* знании духовных начал в земной жизни человека.

Люди выросли, не только не усвоив, что *всё — в себе*, не, только не постигнув в чём смысл жизни человека, но даже не узнав, что Жизнь вечна, что каждый носит зерно Её в себе, что «день» человека есть мгновение Вечности, что «день» есть служение светлomu человечеству.

Естественно, что разрыв духовный идёт всё дальше. Один *живёт* в двух мирах, остальные превращаются в себялюбивые машины, черствеющие день ото дня и несущие миру застой и преступления.

Тот, кто «живёт» в двух мирах и не видит возможности уже ввести в них членов своей семьи или друзей, обязан приложить все усилия, чтобы атмосфера чистоты и радости в нём самом и вокруг него не прерывалась вспышками раздражения, неискренности и трусливости.

Жизнь выбрасывает и новых людей, и новые лозунги в те моменты, когда Ей необходимы носители и строители новой жизни. И каждый водитель «семьи» является необходимейшим звеном духа в укрепившемся «машинном» царстве. Глава семьи — трамплин чистоты, который поднимает к общественной деятельности его близких. Если не сумел приготовить нового человека, *расти*

сам за двоих, троих. И рост этот: чистая мысль, гармония мира и радости.

В этой атмосфере *могут* зашевелиться духовные ростки в сердцах близких. Но малейшая неуравновешенность, невежливость — и всё построенное рухнуло. Только радость, *постоянное* ощущение в руках бросаемых людям цветов *не омрачаемой* любви и не омрачаемой Радости Великой Матери могут спасти человека от вспышек раздражения, мерзости нетерпимости и эгоизма и удерживать сияние Гармонии в своём доме. И так живя, идёт человек в вечном духовном повышении сил Света в себе. И тем строит защитную сеть всему дому и всей вселенной.

2

Представления человека-ученика больших и шумных городов не могут быть свободными от целого ряда предрассудков, впитанных с детских лет самым разнообразным образом, от всевозможных «систем» воспитания.

Если бы люди, проснувшиеся к ученичеству, шли путём истинной любви к тем, кого они воспитывают, они ставили бы себя на место маленького человечка, попавшего под их надзор, — и *любовь* подавала бы им *точное* знание, как найти вход в сердце малыша, как зажечь *его* мысль своей чистотой.

Но предрассудок «Я создан и воспитан в иных пониманиях» — держит человека в условиях земли. Сам человек не может перепрыгнуть какой-то изгороди, не может *вспомнить* недоумений своей детской души, не может *сопоставить* старых пониманий с новыми требованиями жизни.

А главное, забывает, что всей *его* гармонии, в которой он единился с ребёнком *сегодня*, мало — мало для тех, выросших в ребёнке за ночь к следующему дню сил, единиться в которых должен воспитатель с ним «завтра», в *новой* гармонии дня.

Рост духа ребёнка, так не заметный вовне, идёт гораздо скорее, чем растёт взрослый человек. Потому и происходят в детях такие «необычайные» перемены, что дитя менялось постепенно и очень сильно, и *лишь увидели* его изменившимся *сразу*, когда внутренний Свет ребёнка самостоятельно сверкнул и поразил.

Люди круга, входя в *новую*, повышенную ступень прозрения, вам надо совершенно изменить своё отношение к тем людям, с которыми приходится жить. Особенно бережно и нежно надо хранить молодые души. Ни на минуту *нельзя забывать*, что каждая душа есть *великое* сокровище, на создание, хранение и жизнь которого светлое человечество потратило столько милосердия и забот, о количестве и качестве которых обычному человеку и думать было бы страшно.

Достигая всё повышающихся ступеней духовного развития, надо изменить *в себе* понимание, что такое чужая душа, встретившаяся на обычном жизненном пути, и как надо *беречь* сокровище — чужую душу.

Всё *отношение* к каждому человеку должно быть иным. С самого утра *первая* молитва — благословение должна звучать: «Мир Господа Будды и пощада Его да прольются из драгоценной Чаши Его через сердце моё сегодня на землю»

Этим благословением *начав* день дежурства, надо тут же перенести *весь* огонь чистой и благоговейной мысли в свой круг, и *там* взять *вновь* своё *сегодняшнее* обязательство дежурства, *собрать* всё своё внимание к расцветающему дню и *благословить* те священные сокровища — души людей, — с которыми судила Матерь Жизнь прожить этот день дежурства. «Судящее» сознание — это *понятие* должно исчезнуть из сердца и мысли ученика. Вся его деятельность может идти только по линиям помощи, защиты, пощады, оправдания.

Нет остановок в росте духа человека, если он жаждет вступить на путь освобождения. Каждый день есть *новая* жизнь для него, и *каждый* день есть исчезновение какой-то частички своего эгоистического «я».

Но если светлое человечество увидело необходимость в жизни ученика, окружённого сочетанием тех или иных условий и условностей, следовательно, *именно в них* ученик и должен пройти свои дни и в них *научиться* «любя побеждать».

Это не значит, что в установившихся жизненных условиях человек должен замереть. Благословил, принял — на том и успокоился. Только *в борьбе* может идти путь ученика, только побеждая *в себе*, он может найти силы любви и войти в ту тропу, где начинается путь освобождения от страстей. Человек-ученик думает часто, что если он нашёл *для себя* силу жить в мире и радости, то этого довольно. Нет, этого очень мало. Это не составит той устойчивой атмосферы гармонии, в которой может сотрудничать с ним Учитель, то есть той *атмосферы*, где успокаиваются, утихают бунтари; где сбрасывают с себя легче иссохшие полотна страстей, борющиеся с ними люди; где краснеет лжец и не могут выдержать чистых вибраций пьяница и вор.

Что же необходимо, чтобы создалась *эта* атмосфера?

В самом ученике должна быть до самого конца искоренена:

Зависть во всех её аспектах.

1. В нём должно сверкать *полное бескорыстие*.
2. Не омрачаемая радость, выражающаяся в действии «сейчас», а не пять минут спустя.
3. Немедленно осознанное в каждой встрече присутствие Учителя, а не мысль об Учителе.
4. Полное отсутствие ревности и всякого сравнительного начала своей внешней или внутренней судьбы с судьбами других.
5. *Всегда* чистая мысль, ибо присутствие даже гонца от Учителя невозможно в чающей и сверкающей огнями страстей атмосфере.
6. Полное хладнокровие при всех обстоятельствах жизни, недопустимость раздражения.

Только в этих условиях может ученик научиться не только носить девиз «Любя побеждай», но *действовать под знаменем «Любя побеждай»*.

И сила моста сердца ученика, на котором сияет его чаша, будет держаться его незыблемой верностью. И никто не услышит от него: «Не могу», но «Превозмогу», «Не умею», но «Дойду».

3

Близок ли Учитель к физическому плану действий ученика, то есть живёт ли Учитель в физической, видимой ученику форме, или общение их совершается духовными путями, это зависит всецело, в первую очередь, от нужд и необходимости светлого человечества.

Конечно, ученик и Учитель — это *всегда* кармическая связь. Это всегда когда-то близко и крепко связанные между собою люди. Но отнюдь не всегда вековая связь людей была любовью. Много есть случаев, где ненависть одного была побеждена героической, самоотверженной любовью другого. Есть ученики и Учителя, простившие своих убийц и собственным подвигом самоотверженного страдания, искупившие их преступление.

Но высокая и чистая любовь человека, достигшего великой ступени совершенства, не оставляла своим вниманием, пощадою и помощью своего бывшего врага и побеждала в нём все страсти, подавая мощь беззаветной любви и помощи и втаскивая бывшего врага в очищающее пламя той атмосферы мира и радости, где враг *мог увидеть* плоды собственных страстей и содрогнуться. Если в эту минуту он *звал* того, кто всё ему простил, и молил его о помощи, начиналось первое звено его *новой* кармы, начинался тот путь, по которому — через века и века — поднимался очищенный дух преступника к ученичеству.

Люди круга, пришло время вам *окончательно* изменить свой взгляд на себя самих и всех тех, кто окружает вас и даже на тех, кто стоит рядом с вами в кругу.

Жизнь, как Её вечное движение, в том аспекте, в котором Она подана земле, может быть Вся выражена в той форме, которая вам была открыта: «Вчерашний грешник несёт цветы Великой Матери».

Именно та ступень действенного раскаяния и действенной, *творческой* любви, до которой дошёл известный вам грешный отрицатель, и ввела его в ученичество. Смерть гналась за ним до самых ворот обители, но вчерашний грешник думал «сегодня» только о своей задаче; забыв о себе, о грозящей смерти, когда он прикрывал своим телом драгоценные цветы Великой Матери, он выполнил свой священный урок.

Задача *вашей* жизни — как людей круга, как помощников, гонцов и слуг светлого человечества, введённых в защитный круг, — не меньше задачи Деметро. Но он, совершив один раз подвиг, где боролся *на смерть*, вошёл сразу на ступень высокого посвящения. Посвящения такой высоты, где уже невозможна жизнь среди суеты и разнобоя вибраций, где преступление — не редкость.

Ваши жизни необходимы, как проводники Света в *ежесекундную* борьбу на земле, в городах её, со злом, растерянностью и неумением понять, что Жизнь есть Вечность, что ничто не исчезает, уходя с земли; ибо дух есть та первообразная материя, из которой и создана вся вселенная и всё живое в ней.

Ваша задача — не великие подвиги героев, но *стойкая* ежедневная борьба со злом там, где вы живёте, и так, как говорит и видит ваш Учитель. Не падайте духом, если где-то и что-то не удалось. Но прилагайте все усилия, чтобы *гармония* ваших организмов закалялась. Это пока единственный путь помощи вашей светлому человечеству. Ибо *через* вас, — устойчиво хладнокровных, будет проходить гармония Учителей и будут создаваться все новые круги защиты и спасения людям в эту наступающую эпоху смут, подкупов и разложения чести и совести людей.

Каждый из вас должен готовиться к тому, чтобы стать во главе круга Света и помогать своему отечеству выйти на великое место носителей мира и света.

И для этого каждому из вас надо думать не о том, сколько и где проживёт, но о том, чтобы каждое мгновение «здесь, сейчас, сегодня» *вести* жизнь высокой чести, радости жить и творить ещё один день, неся *не омрачаемую* радость и любовь встречным, *сжигая* перегородки условностей, и, *действуя*, видеть в людях их величайшее сокровище: живую душу.

Человек-ученик в его простом трудовом дне — как уже было сказано для людей *вашего* круга — должен нести *главное* внимание *самообладанию*.

Ни одного слова не должен *высказать* человек, пока не *найдёт* в себе *полного* хладнокровия, хотя бы мысль его горела всеми огнями благородства, преданности, любви и радости и толкала его к действию вовне.

Самые *верные* мысли и чувства, но *вылитые* вовне в повышенном тоне, теряют большую половину своей силы, ибо *все* хранящие, помогающие и оберегающие человека светлые силы сейчас же отлетают от него. Чтобы все хранящие человека помощники *могли* сохранять вокруг него *действенное* кольцо защиты и мира, в нём самом должна жить не тушимая волна гармонии.

И ещё раз приходится человеку убедиться, что *всё* — в нём. Как бы ясно ни видел человек, что другой поступает неверно, как бы он ни хотел *поднять* психику другого к величию и пониманию Света, он должен *прежде всего* *повысить* гармонию собственной души. И если «вчера» он, говоря с человеком, бросал ему цветы радости и мира, если «вчера» он осыпал встречного пылью своей гармонии, то «сегодня» этого уже мало. Сегодня он должен подняться выше, держать в руке *ровно* горящую свечу полного самообладания и *видеть* на дне своей чаши дежурства светлый лик Учителя.

И так, совершенствуя свою душу, ученик должен *двигаться* и во внешней форме, всегда *ощущая* Учителя рядом. И в таком состоянии идя свой дежурный день, он лучше увидит *сокровище* встречного — его душу, к которой обращается. Только в полном спокойствии может идти тот, кто живёт свой день дежурства как свой последний день. И Мудрость хранителей своих он поймёт; озарение поможет ему осознать *точно*, какое слово сказать встречному; и как его высказать устами, абсолютно лишёнными жала языка.

Сила Света не льётся лучами к людям. Но, направляясь к земле, она делится на самые разнообразные доди. Самоотверженные маленькие служители подбирают Её, свивают в шары или шарики и, *точно* зная тех, к кому посланы, передают им посланную силу, разбивая шар на ряд мельчайших огненных точек и вплетая их в организм человека.

Вся эта сложнейшая работа требует гигантских сил — по сравнению с силами, понятными и доступными простому человеку-ученику земли. Всё, что он может сделать, и чтобы облегчить труд невидимых помощников, и чтобы дать возможность встречному *получить* слово мира, — это стоять в *устойчивой* гармонии. Ибо никакая чистота сердца — если в нём живёт яд неустойчивости — не даст возможности Учителю пронести свою силу и Свет через организм ученика.

Мост гармонии ученика должен так *ровно* гореть, чтобы весь проводник его сиял спокойствием. Хладнокровие человека есть великий признак, что собственное «я» отошло на второй план. Не «я думаю», «я убежден», «я возмущён», но: «Сила Учителя да защитит», «Сила Мудрости да поможет моему собеседнику», «Не моё слово, но Учителя Свет.. да пройдёт через мой организм» и «уста мои, лишённые жала языка, да произнесут слово помощи и пощады».

Работая над собой, над своей выдержкой, идущей не от напора воли, а от закона Вечности: «Любя побеждай», находите, люди круга, *каждый* день всё новую силу любви к человеку; всё *новый такт* для разговора, о чём бы он ни был, где бы он ни происходил. Ни одного слова в повышенном тоне, ибо *этот* тон и *форма* мгновенно выбивают вас из всякой возможности слияния с атмосферой Учителя. А человек, получивший от вас столь приятное «наставление», ощутил только шишку на лбу и огорчение; но дух его остался на месте, его *движению* вы не помогли.

«Мелочи жизни», в которых живёт девяносто процентов, окружающих вас, суета личных благ, которых добиваются люди, тщеславие и жажда власти тех, кто хочет принести и родине пользу и себя не забыть, — всё это должно рассыпаться прахом для тех, кто ищет тропы Учителя и Вечного Света Жизни. Нельзя соединить путь *личного* величия и путь служения светлomu человечеству. «Слово» ученика есть результат великого самоотверженного труда и великой любви. И ни одно слово — как малая *часть* Гимна Торжествующей Любви, что поёт своими делами труженик-ученик, — не может быть грубостью или резкостью, ибо тогда угасает и вся его *песнь труда*, и весь смысл его дежурного дня.

Легкомыслие не может жить в сердцах тех, кто введён в круг. Но, проходя день дежурства, неся чашу Света в руках, ученик большую часть своего подвига-служения проходит среди легкомыслия, порождающего страсти и суету зла.

Чем же ему защитить людей, если его собственная гармония так же неустойчива, как рябь на мелкой луже?

Мча свой день дежурства, неси *ровно* горящую свечу радости, а не чадающее пламя плошки суеты. Чтобы утихал встречный в твоём присутствии, ты должен подать улыбку пощады. И как только найдёшь эту улыбку — утихнет встречный, и сам же удивится, о чём волновался и плакал. Ибо в твоей чаше *ему* мог послать улыбку мира Учитель, и он её подобрал.

«Радость — сила непобедимая» должно не «существовать» в сознании ученика, но *жить* в его сердце. И все труды его простого дня должны начинаться и кончаться, руководимые этой великой силой.

Свет в человеке — это его простые труды дня. Можно абсолютно ничего не знать о двух мирах, а *все* действия дня могут быть сплошным творчеством двух миров, ибо теплота сердца, не осуждение, мир и радостность создавали в самом человеке и вокруг него атмосферу устойчивой гармонии.

Много раз говорил: не отпусти человека без улыбки, ибо не знаешь, последняя то твоя ему улыбка или сможешь подать ему её ещё раз.

Почему привлекаю внимание к улыбке? Ибо улыбка человека, если она идёт из теплоты сердца, — всегда верный признак, что человек твёрдо стоит на рельсах гармоний.

Осуществление действий в двух мирах на земле состоит в том, что человек ясно *ощутил*, что Жизнь его есть второй, духовный мир. Что там он истинно живёт, движется не в условностях земли, а в вечной ясности сознания и только *переносит* свои высшие силы в психику земного проводника.

Переплетая свои духовные силы и знания с простыми делами суетного дня, вливая в *каждое* дело и встречу то, что постиг из высших сокровищ нетленного мира, человек устанавливает свои встречи и дела земли на самой высокой чести, благородстве и честности, до которых мог подняться *сам* в своём общении с Учителем или невидимыми хранителями.

И об этом не раз уже говорил. Но человек так устроен, что вспоминает едва одну сотую долю того на земле, чем восхищался в присутствии Учителя.

Из наиболее необходимых высоких человеческих качеств, чтобы отвечать потребностям «сейчас» в строительстве дня, надо стараться вырабатывать не только верность, точность, мужество, такт и безукоснительную вежливость, но то бесстрашие, которое раскрепощает человека от всякой зависимости протекций и помощи в условных достижениях высокого положения среди людей.

Это отнюдь не значит, что высокое положение, слава или богатство являются порочными путями. Наоборот. Чем выше положение человека в современном ему обществе, чем шире орбита его деятельности, тем больше и выше должны быть его духовные токи, тем громче должна быть нота его бескорыстия в делах и встречах, тем устойчивее атмосфера его мира и гармонии.

Страсти в таком человеке, если он идёт строителем Жизни, не могут уже иметь места.

Очень часто человек-ученик думает, что «строитель» Жизни это тот, который ворочает великими делами, от которого зависят судьбы народов. По большей части именно среди таких людей мало строителей Жизни. Они чаще всего одержимы страстями тщеславия, власти и желания играть первенствующие роли.

А истинные строители — это малоизвестные люди, труженики, творчество которых, лишённое корысти, проходит в огромном внутреннем влиянии на всех, кто имеет высокое счастье трудиться подле них.

Люди круга, будьте более внимательны ко всем знакам, что подаёт всему человечеству земли Великая Матерь Жизнь.

Распознавайте пристальнее выдающиеся события, что разворачиваются перед вами как страницы новой мировой жизни. Не важно играть роль лидеров того или иного движения, но чрезвычайно важно *осознавать* собственную роль в той пятиактной пьесе, что называется: земная *моя* жизнь.

У многих из вас уже подошёл пятый акт и *ваши* семилетки не могут быть планированы никем и ничем, кроме ваших талантов духа и знания.

Не пыль иссохшей земли должны вы распространять вокруг себя, но пыль золотую гармонии и пыль оранжевую приспособлений ваших талантов духа и знаний к земной среде.

Ученик — это растворитель химического состава духа и огня, чтобы люди, через его проводник, *могли* уловить для себя куски мира, успокоения, надежды.

Вдумайтесь ещё раз, вдумайтесь глубже, какими огромными глыбами мира, самоотречения и чести должны *вы* быть в настоящее время, когда большая часть людей ещё борется за то, чтобы стать свободными людьми, чьи силы духа должны быть уважаемы и кто в данное «сейчас» живёт ещё только двуногим рабом, не имея права на независимый труд, на свободную песнь любви, на образованное существо, а не обезьянье существование.

Вдумайтесь, *кто* такие вы, люди круга? Может ли на вашу гармоничную преданность подожаться Учитель? Не прольёте ли вы слёзы от личной неудачи в карьере или науке? Не забудете ли вы, что *между* вами и встречным, между вами и вашим обиходом дел и труда стоит Учитель и что *все* ваши уроки имеют одну цель: закалиться и расти должны вы на препятствиях, расти для жизни, помощи и труда Учителя *через* вас.

И только в этом пока великий смысл вашей жизни на земле.

Только посредниками, применителями и передачей энергии Учителя вы должны быть сейчас на земле.

Вы электрическая сеть страны. Через вас, чистых и бескорыстных, должен и может проходить огонь высшей энергии. И если *вы* бесстрашны, — ток льётся в сеть легко и гармонично, и жизнь мира и добра утверждается, а зло обугливается и сгорает, не принося несчастья земле. Не оглядывайтесь назад. Крепко захлопните книгу «было», — вперёд, вперёд, вперёд.

6

Человек, идя свой трудовой день, мало заботится о том, что *каждое* слово имеет свою мыслеформу, и всеми этими, никому невидимыми, но очень точно понятными астральным чудищам формами, он населяет атмосферу вокруг себя.

Много раз уже было сказано об этом. И сейчас те из вас, у кого внимание собрано и глаза зорче видят, могут наблюдать, чем кончается недопустимое раздражение, длящееся месяцами или годами, или постоянное переутомление.

Не ищите оправданий своему заболеванию от постоянного утомления. Человек, не умеющий держать в отдыхе, чистоте и равновесии — в смысле физического здоровья — своё тело, будет тем же ростовщиком, который безобразно обворовывает своих ближних. Только, пожалуй, обворовывать собственный телесный футляр ещё хуже, чем причинять денежный ущерб другим людям.

Если точно, верно понято «земное существование», как часть Вечного движения духа и огня в человеке, то поведение ученика должно строго отличаться от поведения обывателя.

Вся беда в том, что «чтение» слов Учителя не представляет для человека указаний к *действию* в дне. Сказано «Не переутомляйся» — человек ищет тысячу извинений своему поведению, чтобы доказать самому себе, что иначе он поступить не мог.

Сказано «Любя побеждай», а не раздражайся — человек не изменяет своей линии поведения, — в результате паралич или долгая и нудная болезнь. Сказано «Жить с кошками и собаками в одной квартире и допускать их животные эманации нельзя, они вредны, влияют на психику людей» — но прочтённые указания остаются не делом, а попадают в разряд «предрассудков». Но приглядеться к жизни, *увидеть*, что у *самых* больших злодеев наиболее интимные отношения с животными, — глаза видят только тех грубых злодеев, которые истязают животных и людей.

Многообразны пути развития человека. Нет возможности подвести их под какие бы то ни было разряды. Но *основа всех путей* — внимание человека.

Не то внимание, что рассеивается ежеминутно и теряет нить мысли. Но то внимание, которое *никогда* не теряет *внутренней* линии, которое всегда включено самим человеком в два мира.

Ученик — это то, *всегда* собранное, сознание, где образ Учителя не возникает «иногда» и выпадает из орбиты действий. Но где сама атмосфера тёплого сердца держит и мысль в гармонии. И внешнее поведение приходит следствием, результатом внутренней жизни.

Если *в таком* состоянии идёт день ученика, — ничему разоряющему организм его нет места. Всякое дыхание, всякое движение создают атмосферу радости и успокоения.

Если от присутствия людей человек устаёт или даже изнемогает, надо *всё* проверить *в себе* и *в своём доме* и понять причину утомляемости.

Все вы, люди круга, уже настолько сильны, понимаете смысл *всей* жизни каждого, что можете разобраться, какой хаос духа *для вас* невыносим и чем вы можете защититься.

Работа земли — первая и насущная необходимость. Но в каждой работе только тогда будет польза и смысл, если делает её человек не от необходимости существовать, но от радости «уметь» внести своё творческое зерно в общее благо.

Огромна сила, огромен смысл каждого скромного труда, если он вложен не как практическое и техническое применение, за которое платят деньги, но как увлечение и благодарность Жизни знать и уметь служить своему народу. Тот человек, что не осознал своей тесной связи с народом, не может никогда стать учеником, ибо ученичество — это путь служения своему народу. Без любви к родине нельзя постичь, в чём *сила* сердца. Только тот, чьё сердце спокойно и ровно бьётся при личной неудаче, может быть замечен Учителем. Тот, кого не беспокоит чужое возвышение, в ком угасла личная гордость, может пройти узкие ворота, где висит надпись: «Не отречения ищю, но радости служить. Не ищю наград и похвал за моё служение, но восторг сердца моего раскрывается и разгорается от всех препятствий. Ибо на них понимаю, как ещё горячи *во мне* желания и страсти, если горечь звучит в моём смехе и словах».

Огорчений не может приносить тот, кто в себе не носит зависти, принявшей форму горечи.

Не всякой встреченной на пути беде можете вы помочь, люди круга. Но если сияет образ Учителя *между* вами и страдальцем, если *вы* забыли о себе и жаждете только помощи Учителя несчастному, ваши мир и спокойствие облегчат *всегда*.

Пристройки и надстройки старых домов всегда почти бессмысленны, если фундамента прочного нет. Так и образование человека. Если сердце — основа всей жизни — мертво, человек ещё не вошёл в ту ступень, где Жизнь через него проносит свой ток людям. Жизнь не нуждается в уме, а мудрость рождается только от Света сердца. Берегите сердце, ибо оно носит Жизнь. Берегите тела, ибо всякий проводник ныне на вес золота. Жизнь мчит Свой Огонь всюду, где трепещет сердце. Преступен тот, кто сокращает срок своего земного служения, ибо время ныне особое, надо жить в энергии и хранить здоровье.

7

У каждого человека-ученика в зависимости от степени его знаний и освобождения день его труда прост и лёгок. И чем выше он поднимается в своём внутреннем освобождении, тем легче становятся ему его внешние условности. И наконец, когда он совсем раскрепощается, он перестаёт замечать «быть» с его условностями как таковой, а просто чётко и точно знает, что *всё его* окружающее существует именно потому, что в нём должен проходить труд Учителя через приспособления или таланты ученика.

Когда человек вступил в эту стадию развития сердца и мысли, гармония его атмосферы уже не нарушается. Есть только одно узкое место в труде ученика земли: неумение распределять свои физические и психические силы так, чтобы не наступало в течение дня переутомление. Очень трудно справиться с этим ученикам, больших городов, где всё живёт, действует и творит в торопливости, небрежности, усталости, гоняясь за темпами машин.

Ученики — это те люди, которые *должны* отдавать свои проводники для труда гораздо более высокой психической энергии, чем их собственная. Поэтому их организмы должны быть охраняемы целым кольцом невидимых тружеников, чтобы психическая энергия, текущая из всех чакр и, как клей, сцепляющая творчество сердца и мысли, была *всегда* в таком равновесии, чтобы одухотворённые высшими силами тела учеников жили дольше, а не умирали скоропостижно.

Для того чтобы *весь* организм человека земли мог находиться в гармонии, физический проводник должен быть не только здоров, но и бодр и свеж.

Он представляет из себя ту основу, начало и свет, по которой дух мчит творящую Силу. Если мост сердца, на котором стоит чаша действий и накоплений ученика, не крепок, сердце не может выдержать не только высшей энергии Учителя, но даже не может предотвратить, уколоч чужих аур.

Тот, кто впадает в раздражение, менее виновен, чем тот, кто остаётся изнеможённым от трудов дня к вечеру. Надо — и *настала пора* — понять, как велика, священна и ответственна роль ученика на земле.

В каждой современности существуют свои несообразности. Ибо всё движется и всё меняется. И то, что удовлетворяло человечество вчера, мало и узко для него сегодня.

Но периоды творчества Жизни бывают самые разные. Иногда длится период вбирания каких-то сил — вроде коровьей жвачки, — а иногда Жизнь выбрасывает земле особо бурные периоды, точно из вулканов извергаются новые мысли, идеи, дела, и люди еле поспевают их подбирать.

В эти периоды смешиваются плевелы и чистые семена так плотно, что совершается какое-то катастрофическое потрясение, которое помогает разобраться, отсеять зло и установиться целесообразной ступеней новой эры в жизни человечества. И в эти периоды — ещё и ещё раз повторяю — нужны *все* чистые провода от мала до велика. Чтобы всюду были провода чести, высокого благородства и честности, провода бескорыстного служения и мира.

Внутреннее ядро Силы и Света, человеку даваемое при рождении, не зависит ни от каких внешних обстоятельств. Их владыка — *сам* человек. И потому, *если* он поймёт *всю* необходимость отдыха в трудовом дне, он найдёт и умение его себе устроить. И тут нет никаких указаний, *как* этот отдых устраивать внешне. Ибо самая усталость у культурного существа зависит не от физической усталости, а от утомления его психической энергии. И именно *ей* — психической энергии — надо предоставить отдых. Один, два глубоких вдоха, устремление мысли и воли к дальним мирам, полная, в молчании и тишине, сосредоточенность внимания — и организм готов к новой деятельности.

Но это относится только к тем организмам, которые вообще *умели действовать* в атмосфере гармонии, а не «думали» только о ней.

Если же изо дня в день человек жил годы или десятки лет в растрёпанности и суете, в торопливости, в затрёпанном платье, в неряшливости, никакой, разумеется, «атмосферы», кроме клочков раздражения, клочков ласки, обрывков знаний, растрёпанных приказаний или скучных нотаций, он никому принести не может.

Люди круга, время не ждёт. Не «собирайтесь» о чём-то подумать. Не ищите примиренческих начал в своей семье, но несите в неё *активно свой* Свет и мир. Ибо без активного напряжения энергии Света самого ученика Свет Учителя пройти на землю не может.

Тот, кто вошёл в круг, — тот должен нести не свет свечи, но великий Свет сердца. Этому Свету не нужны слова. Он виден и в пустыне, как лампада Вечного. Его *нельзя* не заметить в семье, ибо Свет сердца и есть поведение внутреннее человека, его стояние у черты Вечности не только на пороге смерти, но и в разгаре труда простого серого дня.

Помните: не отпустите без улыбки того, кто пришёл к вам в дом, ибо не знаете, чей он гонец и почему пришёл. Одно помните: «Вчерашний грешник цветы Великой Матери принёс».

8

Рассеянное внимание людей, их малая доля умения разбираться в фактах, что посылает им Жизнь, ежедневно выбрасывая на поверхность много предупреждений и указаний, приводит неизменно к тому, что момент катастрофы принимается как полная неожиданность.

Если бы человек, стремящийся по-истинному служить своему народу, наблюдал пристальнее всё совершающееся вокруг, он мог бы *действовать* огромной мощью своих внутренних сил. И зло не могло бы забираться под его кровлю, потому что стена чистого огня сжигала бы всё, разливаясь из его чаши дежурства.

Но самый главный смысл дня: «Как несу я свою чашу дежурства? Что я вижу вокруг себя? Чему несу свой поклон сострадания и мира?» — все эти вопросы не выкованы сердцем, скользнут по памяти два, три раза, и снова обиход с его суетой притушил огонь дежурства.

Перед каждым из учеников встают ежечасно вопросы, составляющие пробные камни истинной, высокой чести. Может ли ученик решать их так, как решает их «общественное мнение»? Вернее сказать, как те, кто это общественное мнение создаёт?

Ничто временное, свойственное условности одной земли не может быть руководящим началом для ученика, живущего в двух мирах. Одно дело — впутываться в дразги земли и стремиться защищать то, чего поправить не в силах даже весь народ, вместе взятый. А другое дело — *жить* в двух мирах и *в них действовать* на земле. То есть нести Гимн торжествующей любви особенно чисто, нести самообладание полное в каждую встреченную душу, где засело сомнение.

Тот ученик *не* выполнил своего урока и создал себе и встречному грозную карму, кто отпустил неуспокоенным человека и не постарался объяснить ему: там, где нет у тебя знания *до конца*, не берись быть судьёй. Жизнь, подавая народу урок, знает, для чего он необходим. А народ — что почти всегда и бывает — только через десятилетие разбирается в своём уроке. И никогда дважды не повторяется в народной карме одно и то же звено. Ибо за каждой катастрофой народа освобождается и нарастает новая сила.

Герои народа редко бывают счастливы. Но растут они незаметно, развиваются их силы «внезапно» *для людей*, на самом же деле — и закономерно и целесообразно к каждой странице истории народа.

Всё, что должен сделать ученик по отношению к прошлому, которого невозможно воскресить: принять и благословить.

К настоящему, которое надо создавать: *быть* единицей всего своего народа, а не отделившейся единицей. *Творить* свой день — день жизни своего народа — всею мощью любви, чести, самоотвержения и бескорыстия *в своём деле дня*. И там, где влит огонь чаши в дело дня, туда Жизнь вносит Свою пощаду, освобождая дух человека от страха, предвзятости и предрассудка. Одно мгновение полного оправдания, спокойной мольбы о заблуждении кого-то — и Великий Учитель *может* послать тишину в сердце. И мысль приведёт не одно сердце к миру, ибо *в себе* обрёл ученик *силу* жить в мужестве и мудрости Вечного.

Меньше слов — больше умиротворения и чистоты. Чистота спасает там, где не могут спасти все физические способы защиты. *Действуйте*, не ждите указок; действуйте, *зная*, зачем пришли *в свои* обстоятельства. Не защитите никого словами. Но защитите каждого великой силой любви и мира сердца.

И то — *единственный* ваш путь.

9

Через много пробных камней проходит человек, раньше, чем он может понять все свои обстоятельства как обязательный путь его собственной кармы. И до того момента, когда он благословит *все* свои обстоятельства, проходит самое различное время у каждого человека.

Один человек может в одно воплощение, начав с простой доброты и полного неведения о жизни людей высших миров, дойти до такой высокой силы духа, что перевыполнит то, что брал на себя, сходя на землю.

Но таких избранников мало. Они очищаются не только сами, но очищают все вокруг себя, создавая такую устойчивую атмосферу чистоты, в которой всякое грязное слово застревает в горле.

Проноса чашу дежурства, дежурящий ученик не может выбирать себе людей в том смысле, что вошедшего без зова он должен приветить и видеть в госте тот Свет, который сам ученик обязан чтить всем своим внутренним доброжелательством и внешним гостеприимством. Но *звать* в свой дом — в тот дом, где говорит Учитель, — он может только тех, кто не нарушит святыни внутреннего храма и мира.

Что значит: «Дом, где говорит Учитель»? Если весть от Учителя подаётся человеку не его собственной рукой, то и дом, где он живёт, всё равно будет домом, где говорит Учитель, ибо человек складывает весть Учителя на дне своего сердца и живёт ею и с нею *в своём* доме.

Труд, ежедневно повторяющий одно и то же, никогда не будет тем же, чем был вчера, ибо сам человек так много изменился от вчера к сегодня, что ни одна мысль его не осталась точно такою же, как была вчера.

Чем особенно отличается ученик, несущий чашу дежурства, от простого человека? Именно тем, что сознание несущего чашу дежурства человека тесно связано с сознанием Учителя. Как бы *мало* ни ощущал дежурящий, что его сознание *связано* с сознанием Учителя, в нём происходит неустанный процесс совершенствования, ибо часто спрашивает себя: «Если Учитель рядом, так ли я поступаю?»

Тот, в сознании которого установилась гармоничная дыханию Учителя волна, уже не спрашивает себя об этом, ибо в каждой встрече, в каждом деле *между* ним и человеком стоит фигура Учителя. У одних она стоит ясная и чёткая, у других точно царит сияющим миражом, но улыбка приветя льётся каждому, а не назидательная проповедь.

Мир и великий Свет царят в сердце и мысли дежурящего ученика, когда он вступил в новое, освобождённое от страстей сознание. Тревога и страх умирают вместе, ибо они рождены условной привязанностью земли. И как только сила духа вскрыла человеку вечное Начало, его сознание расширилось, и человек вошёл в первую ступень ученичества — бесстрашие.

На этой же ступени человек должен добиться и второго качества: самообладания. И если вдуматься полностью в значение слова «самообладание», то оно включает в себя и бесстрашие. Ибо страх не живёт вне человека, а составляет одну из его наиболее стойких страстей.

Но понять, что это не два понятия, а одно, могут только те, чьи страсти *уже* стали спадать как иссохшие полотна. Потому условием первой ступени ставится это одно понятие, разбитым на два: самообладание и бесстрашие.

Сирень в цвету — зрелище очарования. Отцветшая сирень, покрытые пылью листья — малопривлекательное зрелище, ничей взор не радующее, мало заметное.

Так в природе. Всегда смена, вечная смена. Но не так с человеком. Только те, что прожили жизнь в страстях, стали к старости отвратительны. И страсти, съедающие внешнюю и внутреннюю красоту человека, бывают разные.

Почему-то люди думают, что пьянство и развращённость самые ужасные пороки. Но вовсе не замечают, как они опускаются, затвердевают, плесневеют от скупости и жадности, от сплетен и злословия.

От пьянства можно вылечиться, от развращённости можно очистить мысль, и подняться удаётся нередко буяну. Есть даже получившие титул «святых», а молодость провели не безгрешно. Их дух уцелел, их спасла доброта, раскрылось сердце к поэзии жизни и мудрости.

Но те обыватели, что живут в вечном злословии, в вечном беспокойстве, что проглядели соринку в чужом глазу, — они только та серая пыль, что покрывает листья отцветшей сирени.

Надо ли ученикам, людям круга, тащить за собой телеги, нагруженные подобными созданиями? Нет, не надо.

Если люди сумели вырастить людей, в сердцах и мыслях которых не умещаются мысли о служении своему народу, если выросшие сумели понять только эгоистические мотивы жизни, напрасно стараться вдабливать им понятия высшей этики.

Надо закрыть свой собственный лицевой счёт с ними и думать только о том, чтобы люди эти не стали злодеями.

Если человек видит, что возле него выросли обыватели вместо светлых душ, не надо приходить в отчаяние. Но надо до конца понять, что человек видит собственное кривое зеркало. Всё, что он сам исковеркал в себе, — всё вьелось в близких ему. Иногда человек туго понимает при жизни, почему вокруг него не расцвела сирень. Но лучше понять до конца на земле свои ошибки одну за другой, чем тратить энергию на раскаяние и упрёки уже ушедшим людям.

Каждый посланный умершему упрёк ложится аршинным и грозным камнем тому, кто бросил плевков тени ушедшего.

Если встретите, люди круга, таких людей, молитесь в своём кругу о них. Ибо попадут только в тьму блуждающих, где их страдания неисчислимы.

Молитесь о них, как о тех, «за кого некому» молиться. Шлите им доброту, быть может, сумеете подобрать *в чашу* хотя бы одну их слезу.

Много есть людей, любвеобильность которых проявляется в дне как вереница простых и скучных дел. Но все эти скучные и серые дела, если их *творит* сердце человека, вносят во всё окружение великий мир, тишину и радость.

Что значит «сердце *творит*» в сером дне? Обязательно высокий талант, несущий музыку, поэзию, науку в серый день? Далеко не все таланты несут людям мир и утешение. Большинство думает только о себе. Их день: «я несу», «я учу», «я просвещаю» и так далее.

А тот внешне незаметный, который, тяжело трудясь, думает: «Поспеть бы вовремя», «угодить, обрадовать, утешить», — тот идёт, забыв о себе, и раздражением в его сером обиходе ничто не наполнено. Он всё время любил, стирал — молился, варил, пёк — всё трудился — молился. Кто-то рядом с ним «говел», а он за ним убирал. Кто-то детел танцевать, а он ему стирал и гладил, и так всю жизнь. Видел чужие жизни, из окна наблюдал, как текли чужие жизни, как нарядны были люди. А он в своём затаканном, но чистом платице даже не подозревал, что *можно* было чему-то позавидовать. Он желал им счастья, довольный тем, что увидел прекрасные наряды, цветы на головах женщин и элегантных мужчин.

На его долю выпало только отдавать, и сам он даже не задумывался, почему *его* жизнь сложилась так, что только мелкое вокруг него. В нём нуждались для мелких услуг, но в мудрости его, в его святыне сердца не нуждался никто. Верно ли, что *никто* его не видел, никто не заметил ровного огня его сердца? Тысячи невидимых помощников помогали ему. Тысячи радостных невидимых тружеников создавали в его атмосфере тот мир, который защищал каждого входившего в его дом. И если не сумел он близких своих создать гармоничными существами, он непременно защитил их от сети злодеев, от горя и полного разрушения организмов.

Люди круга, перестаньте думать, что *вам* дала Жизнь то или иное окружение. Не *вам* даны те или иные обстоятельства, когда вы *доходите* до духовной зрелости. Но *вы* даны людям, чтобы *ваша* чистота спасала их. Мир в доме, мир во что бы то ни стало — ваша задача. И *выбора* у вас нет. *Всё*, что окружает вас, *имеет право на вас*. А через какие приспособления *вы* пронесёте им мир — то ваша задача дня. Но то, что подразумевает Учитель под словом «мир», не есть заплата вашей любви на чужом раздражении, пришпиленная вами, чтобы *внешний* мир не нарушался.

Мир — ваша тишина внутри — должен быть подан как *сила*, льющаяся из чаши. Что за смысл в дежурстве, если налепил заплату, тыкнул леденец — оставь только меня в покое.

Тот, кто *всегда* видит между собой и встречным Учителя, — тот всегда и найдёт и верное слово, и улыбку приветия.

Нельзя пройти и часа в дне, если не искать в каждом деле и месте *применения* такта, обаяния и радости. Всё может отойти от человека. Он может потерять способность не только к творчеству, но и вообще перестать быть трудоспособным.

Но если он ученик, Свет сердца его только возрастает, и чем меньше его участие вовне, тем напряжённее его творчество внутри. И он становится ещё более нужным и ценным, чем был в расцвете своих сил. И тут бесстрашие уже вошло *основой* в его дух и слилось с силой волны Учителя. Человек может достичь вершины самообладания и здоровья духа в полной немоции тела.

Если же старость не принесла расцвета сердцу, то только потому, что эгоизм гордости и ревности не угас в сердце. Мысль затемнилась, и возможно разложение ткани мозга. И никто помочь не может, может только облегчить их жизнь терпение, милосердие и любовь учеников — слуг земли, дежурящих у Вечности.

12

Труд учеников, сколько бы он ни разнился в своих внешних проявлениях, внутренне всегда идёт только в одном направлении и по единственному духовному руслу: «Любя человека, видя в нём *цель* дел Учителя, *найти* любовью вход в сердце каждого и *собственной* гармонией облегчить ему жизнь».

Как просты эти слова! И только эти самые простые на вид слова заключают в себе *все* пути освобождения. Того освобождения, где ученик находит в себе сил встретить и проводить другого улыбкой радости.

В мире земли живут два начала единения с людьми. Одни, живущие в эгоистическом начале: «я», «мне» и «мои», — раздражаются, когда к ним приходят люди со своей печалью и горестями. Другие, жаждущие близости с Учителем, радуются, когда несчастье стучится в их дверь, и собирают всё мужество сердца, чтобы помнить, что истинное сострадание не выражается в слезе, но в духовной силе такого мира в сердце, чтобы *атмосфера гармонии не разорвалась*, чтобы дух ученика был так устойчив, что встреча могла быть передана сейчас же Учителю, к помощи, силе и прозрению которого ученик воззвал. И если верность ученика была до конца цельна, *всегда и непримиримо* огонь духа Учителя проникнет в сердце ученика, и человек, пришедший в горе, уйдёт в мире.

Почему Учитель услышит *всегда* мольбу ученика? Потому что в высоких волнах, где живёт дух Учителя, нет двойного отношения к человеку земли. Для каждого, о ком воззвал ученик, у Учителя есть только одно отношение: пощада, помощь, защита.

Но каждый из людей круга, которых ведёт Учитель, знает твёрдо: не всегда *спасение* человека составляет — по его понятиям — ласковое отношение. Бывает и так, что «спасение» заключается в суровом приговоре, в укрытии человека от бурь его собственных страстей, в лишении сил, в безмолвии и так далее. И всё то, что человек склонен считать по земному для себя великим несчастьем, что — по своим земным понятиям — человек не хочет принять и благословить, именно *это* составляет *силу* Света; разбивает в нём его же заблуждения и помогает ему пробиться к тропе Учителя.

Пора вам, люди круга, оставить предрассудок: не хочу вмешиваться в дела людей.

Само слово «вмешиваться» может иметь действительную мыслеформу только для одной земли.

В мире высоких идей, где живёт Учитель, это понятие не существует. Там не может жить эгоистическая воля, ибо прозрение Учителя во *всю* жизнь каждого существа, сумевшего подняться к живой Жизни служения светлому человечеству, приводит, в такое сотрясение весь организм существа, что «вчерашний грешник» несёт сегодня цветы Великой Матери.

И для вас, люди круга, не может быть больше «вмешательства» или «невмешательства» в дела людей. *Не* внешняя ваша помощь нужна встречному. Но всё величие вашего чистого сердца. Не «слово» — самое действенное из лекарств, которое вы можете нести растерявшемуся человеку, а ваша, *бессловесная* внешне и *огромная* по *внутреннему* напряжению и слиянию с Учителем, огненная молитва.

Удерживайте ваших встречных от «вмешательства» внешнего в дела близких и ближних. Ни одно вмешательство человека в чужую судьбу, если оно не было до конца бескорыстно, если оно не несло *собственной гармонии*, а прибавляло хаос к малой устойчивости людей, не могло быть благословением, не могло помочь людям утвердиться в правильной линии поведения, то есть в осознании *всей* Жизни — Жизни *двух* миров.

Имеет ли смысл часовой разговор, если не только не сумел ученик пробудить дух человека к высшему, то есть пробудить в нём логику мысли не во временном, а в Вечном? Можно ли внести в душу встречному утешение и мир, если мыслить *только* о временном и условном?

Утешить и внести мир в сердце встречного можно лишь тогда, когда *сам* стоишь между человеком и Учителем, когда *точно* осознаёшь, что *каждое* «сейчас» несёт радость знания: Всё, чем наполнен *твой* дух, ученик, составляет *ту* атмосферу, куда может или не может Учитель послать тебе Свой Свет, чтобы ты *передал* его встречному. Если не достиг *этого* знания, не можешь понять, как *важен* проживаемый *тобою* день, как *важна* *устойчивость* *твоей* гармонии в протекающем дне. Ибо если проводник *твой* находился в устойчивой гармонии, Учитель *непрерывно* встретил ближнего твоего *через* твой проводник.

Первым и главнейшим качеством характера, над которым должен работать ученик, *постоянно* и во всём уделяя ему внимание, наблюдая за его развитием в себе, является *бескорыстие*.

Оно, совершенно так же, как и бесстрашие, составляет *основу* самообладания ученика.

Но между пониманием слова «бескорыстие» обычным человеком и учеником лежит пропасть. Такая же пропасть, как между понятиями начинающего ученика и понятиями его Учителя.

В атмосфере Учителя уже не существует понятие «бескорыстие», ибо вся сущность служения Учителя светлему человечеству заключается в его отдаче людям всей своей жизни до конца. В действиях Учителя — даже тогда, когда они бывают суровы, — лежит только доброжелательство к человеку, любовь и вся доброта, направленные к спасению *вечной* жизни и труда в ней *каждого* человека.

Не имеет никакого значения для Учителя личное начало в единении с людьми. Для Него — каждый человек есть *цель*, а не средство; в каждом Он видит частицу Гармонии и подаёт Свою помощь только этому Началу в человеке.

Если ученик несёт свой труд в толщу людей — что бы он ни делал: врач ли он, литератор, профессор, музейный или научный работник, повар или труженик-политик, — *первая* основа его труда на земле есть бескорыстие.

Как же должен понимать это слово ученик? Раздавать весь свой заработок и самому нуждаться во всём? Отдавать свои труды, изобретения, знания под марку любого ловкача, за своим именем подающего чужие достижения?

Такое понимание «бескорыстия» несло бы в мир ещё больше греха и зла, чем борьба и соперничество.

Ученик, творящий что бы то ни было для людей, должен помнить *всегда, везде и во всём*, что он творит *для* людей, носящих в себе *огонь Жизни*. Никакого значения не имеет труд ученика, если в его мыслях нет полной чистоты, то есть если основой его труда стоит «я», а не «через меня».

В этих случаях ученик не будет нести Свет Учителя в своём труде. И как бы ни был необходим данному мгновению его труд, он не получит того распространения, какое мог бы получить при полном бескорыстии духа.

Какой бы дар ни нёс ученик — бескорыстие *мысли*, когда он садится за свой труд, великое, — быть может односекундное — моление к высокому миру, луч доброты сердца, посланный всему одновременно с учеником трудящемуся на земле; радостная чистота, счастье, наполняющее уверенностью сотрудничества со всем светлым на земле и полное отсутствие мысли во время работы, что я за это получу, — вот то целомудрие духа, на котором растёт талант.

Никакие силы извне, никакая «помощь» не может помочь ученику, если талант его развивается односторонне, если духа, чести, честности к *умения единиться* с людьми в мире не развил в себе человек.

Никакое «счастье» служения не может поднять человека к тропе Учителя, если он не научился жить в мире с людьми. Пока не найдена линия *ровного* поведения ко всякому человеку. Пока вспыхивает и угасает мысль, не может быть устойчиво чувство, не может быть счастья ученического служения.

Двигайтесь скорее, люди круга. Время для каждого из вас не слишком длинно, пребывание для труженика на земле всегда коротко.

Оно длится чрезмерно и ужасно только для тех, кто не понял, не выполнил *ничего* из взятых гордо на себя обязательств. В этих случаях человек — бич для окружающих, а долголетие его — бич для него самого. Он питает астральный план, а астральный мир поддерживает его полубредовое существование.

Молитесь о них не в церквях, а носите их в сердце и мысли. Шлите им частицу Света каждый; быть может, сможете отвоевать хотя бы частицу Света в луче Учителя для него. *Через* вас многое может пройти к несчастным. О том помните.

Встречи человека, его дела простого дня, никто из когда-либо получавших слово Учителя не может считать одной *своей* судьбой, одним, отъединённым от всего народа, делом.

Разумеется, в психологии ученика не может быть никакой «уровнировки» только потому, что все люди — ученики — знают, к какому лучу они принадлежат и от какого Учителя они получили слово, или оттого, что твёрдо знают, что каждый несёт ту или иную частицу огня Вечности.

Много раз, на все лады, было объяснено людям, что «путь» есть сам человек. Что Свет в человеке не может быть не замечен, ибо только духовное развитие самого человека подводит его к той или иной ступени Милосердия.

И всё же многие из людей круга продолжают сетовать на свою внешнюю судьбу, на свои препятствия и неудачи. И вместо того чтобы благословить свои неудачи, расти на них и *утверждать* своим миром и спокойствием атмосферу радости, *поддерживать* своею устойчивостью *встреченную*, растревоженную душу, они огорчаются, вносят от своей расстроенной гармонии ещё одну вибрацию беспокойства в общий хаос.

Нельзя забывать ученику, что он живёт свой день *дежурства* только тогда, когда несёт *легко* свою чашу, когда радость и дружелюбие его не мешают присоединяться к его трудам *туду* Учителя.

В чём же смысл жизни ученика на земле, если он разъединился с трудом Учителя? Для чего длятся дни учеников на земле? *Вся цель дел* Учителя на земле — человек. И так как *могущих* служить Учителю — по чистоте своих мыслей и самоотвержению — мало, то *каждое* мгновение жизни на земле ученика, способного нести дежурство у Учителя, чрезвычайно важно *всей* мировой Жизни, протекающей в данном месте, в данной форме и в данном времени.

Ответственность ученика-строителя Жизни в определённом ему месте, в определённой ему форме *очень велика* перед Учителем и перед всем временным его окружением. Всякое дыхание ученика должно быть дыханием любви и мира. Устойчивость ученика не зависит ни от каких изменений его внешней судьбы. Ибо устойчивость ученика — не одно его движение, неустойчивое в Вечном Движении, но оно *слетено* с движением и дыханием Учителя, который создал ученику в своей ауре защитную сеть.

Уже говорил об ответственности. Много случаев есть в жизни учеников, когда им *открыты* связи их вековых карм, чтобы облегчить им расширение их сознания. И всё же многие продолжают считать текущее воплощение «своею» жизнью, забывая, что *вся их жизнь, все пережитые ими страдания, горести и неудачи — всё было только очищением каждого, освобождением от страстей, чтобы в расширенном сознании понять, постичь величие жизни человека земли, как носителя, творца и исполнителя тех задач, что даёт Учитель для пользы, развития духовных сил людей, среди которых живёт ученик.*

Мироощущение человека-ученика не может укладываться в узкую дорожку «я» и «мне», но расширяет и утрамбовывает дорогу, вбирая ток силы Учителя, чтобы подавать его каждому встречному — «через» меня.

Только тот постиг, что он провод Учителя, кто *понял свои дни как неудержимо мчащуюся нить огня Учителя к людям Земли.*

Весь *смысл* дня зависит от тех мыслей чистоты и радости, что *выбрал и удержал* ученик утром в себе. На этой базе радостности потечёт *через него* и сила Учителя, и Свет Его.

«Дерзать» не значит зазнаваться или самоуверенно утверждать своё «я». Дерзать — значит уметь *приложить* волю и силу Учителя *во все дела дня.* Это значит не «помнить» о Едином в человеке, перескакивая через его личность, но *видеть* духовными глазами *всю Жизнь в человеке, этой Жизни нести действия и собственного сердца, и собственных рук.*

Прост день ученика, который *действует сегодня.* Он *знает,* что творческая мысль Учителя мчится к нему, чтобы *быть* пролитой в дела и встречи. Он *знает,* что не долг и обязанность держат его на земле, а счастье: *быть* ещё один раз, ещё одно «сегодня» силой и огнём для труда Учителя.

Отсюда идёт дерзание ученика. Отсюда же идут его мир, спокойствие и уверенность.

Прошлое *не может* держать ученика, ибо огонь Учителя *должен был сжечь всё* прошлое ученика, чтобы поднять его к *Своей Чаше Дежурства.*

«Периоды» в жизни ученика земли не делятся на «удачные» и «неудачные», «счастливые» и «несчастливые». Всякий период жизни ученика составляет определённое семилетие со дня рождения. И до самой смерти развитие человека протекает по этим — не земной, а космической силой установленным — семилетиям.

Разумеется, в огромном большинстве случаев не сразу подходит человек к знанию. Но если однажды подошёл — движется *сознательно* к освобождению от страстей.

Но надо человеку-ученику твёрдо понимать, что он пришёл на землю *жить и действовать*, а не мечтать и созерцать.

На землю пришедший должен принять *всю жизнь земли*, её плоть и кровь, её дух и Свет, *в них* жить и создавать атмосферу мира и творчества. Только тот человек будет истинным сеятелем Света, кто сможет создать *в себе* такую устойчивую силу мира, чтобы *каждый* вошедший непременно *почувствовал* успокоение. Совсем не важно, чему припишет человек своё новое ощущение отдыха и радости. Быть может, человек вовсе и не свяжет его со встречей или мимолётным разговором с учеником. Но важно для пути самого ученика послать привет Духа Учителя, *бросить* цветок и — огромной *устойчивости* энергией — *разбить* в ауре встречного хоть один нарост предрассудка.

Обуреваемый страстными переживаниями человек не может вносить силу в дух неустойчивых, колеблющихся встречных. И пока льётся слеза из глаз ученика, до тех пор не сможет ученик дойти до того периода деятельности на земле, когда сила Учителя, не изломанная унынием ученика, будет проходить *точно* по назначению через него.

Поэтому осознайте ещё один стимул к самообладанию, думайте о людях, которым вы *могли* перенести Свет, мир и радостную силу Учителя и которую вы *не* подали человеку только потому, что были *неустойчивы* сами.

Слёзы человека-творца — вещь совершенно недопустимая. Раз вскрыт на земле дар человека, — все усилия должны быть направлены на гармоничное, параллельно движущееся, развивающееся таланту, *созревание духа* в человеке.

Огромное большинство людей-творцов погибает раньше времени; их таланты застывают на какой-то точке и не развиваются дальше, ибо *духовное развитие* прекратилось. Человек не только не научился владеть своими страстями, их любя, побеждать, но какие-то страсти, которые нарушали гармонию, будоражили чувства и вталкивали человека в постоянное раздражение, заставляли вмешиваться в дела ближних и близких, — наконец создали из *его* ауры шапку горящих иголок. И малейшее приближение неуравновешенного человека — игла накаляется, ибо сердце не чисто от бушевания скопленных за всю жизнь страстей.

У человека нет иных вредителей, кроме него самого. И у него нет других спасителей, кроме его собственной силы Света и Любви. Нельзя успокоить своё сердце чужими словами и мыслями. Но можно, раскрыв духовное кольцо, своей внутренней жаждой *вобрать* в себя любовь и силу того, кто *подал* слово привета, во всей своей чистоте и радости.

Если удастся раздражённому — в его несчастный момент возбуждения — хотя бы на одно мгновение *вспомнить* того, кто *подавал* ему свою любовь и помощь в великой радости, радость, даже на миг мелькнувшая в воспоминании, мгновенно разбивает целый огненный шар летящих жадно на огонь раздражённого человека астральных уродов.

Если бы только мог человек представить себе, каков его аурический облик, когда он, раздражённый, воображает, что «направление его поведения» взято верно, что *только он* видит *настоящее* положение вещей и может взорвать стусившуюся атмосферу чужого «заблуждения» ...

Один из особенно тяжких ядов — есть *в сердце яд заблуждения*. Неоднократно попадает человек в капкан этого яда, и всё не имеет достаточно сил понять: *в возбуждении* видеть и понимать ясно нельзя.

Тот, кто *думает* о переходе из одного мира земли в жизнь надземную, должен думать, что только *сила радости* жить ещё один день в мужестве, мире и мудрости на земле, сила, уравнивающая гармонию *радостью*, сила, освобождающая от ужасной связи с астральным миром, живёт в нём самом *не тогда*, когда он кого-то «вразумляет», а тогда, когда он чтит *Жизнь в другом* и *эту Жизнь радует* и укрепляет своей гармонией.

Ни одна встреча не бывает «продолжением» чего-то. Всякая встреча — *новое творчество*. Об этом надо крепко думать легко возбуждающимся. Иглы ауры накаляются всегда *вновь*, а потому разрывы в мышцах, нервах, кровеносных сосудах, кажушиеся внезапными, на самом деле суть только раздражения, доведённые до предела. Не «организм не выдержал», а «сила раздражения открыла гнойник страстей, скопленных за многие годы». Гнойник — что кратер вулкана. Пощады нет ничему окружающему, ни самому извергающему вулкану. «Остановить» — уже не в силах человека. То разрушение, что он сам себе причинил, может залить *только радость*.

Жизнь, милосердная, дарит человеку мелкие удары, *предупреждая* о возможной катастрофе. Но редки случаи, когда у человека соскакивает с сердца ядовитая стрела заблуждения, и он *точно* понимает: прежде всего несёшь великую ответственность за *свою жизнь*. Дальше — за жизнь детей. Но то — ответственность второго порядка.

Если бы следил *за собой*, не надо было бы плакать о детях. Ещё дальше и труднее — ответственность за «взятых» детей и людей. Надо быть *очень* бдительным и не набирать обязанностей, которых никто не давал.

Внимание, великое внимание к текущей минуте! Не в суете смысл — смысл в понимании Единой Жизни. В том, чтобы *каждое* дыхание вбирало и выбрасывало лишь звуки торжествующей любви.

Творец-человек имеет *звучащее* сердце. И звучит его сердце во всех его словах и делах. И признак звучащего сердца — улыбка человека. «Молча улыбнётся — луч Света в сердце встречного прольётся», — говорит пословица.

Ещё раз напоминаю: «О мёртвых — или хорошо или ничего».

Мчите радость! Каждое движение радости в сердце — привет Единого в вас — Единому во встречном. И *все* ваши пути земли — только тропы Учителей ваших к Единому во встречаемых. И только *те* дела, что *так* совершаете, суть дела, а не суета.

Много раз говорил и ещё раз повторяю. Темна ночь сейчас в мире. Ярче Свет несите. Радуйтесь, что живёте сейчас и можете помочь Учителю оберегать ваш народ. Как бы ни мала была ваша помощь, лишь бы радость в вас была велика. Где радость, там путь верен и чист.

16

«Ни гром небесный, ни грохот города, ни рёв верблюдов — ничто не помешает голосу моему проходить в те места, где его необходимо услышать людям» ... Так сказал я тебе, провод, когда впервые услышал ты голос мой, — и.... — и подобрал брошенный мною тебе цветок.

Люди, живущие на земле, их окружение и их место воплощения — всё есть карма веков. Не забывайте о том, люди круга; не ропщите на свои затруднения и препятствия.

И если у кого-либо из вас неостанет расширенного духовным Светом сознания, чтобы *осознать* всю глубину и смысл препятствия, не хватит силы сосредоточить так *внимание*, чтобы увидеть в себе корни, вызвавшие препятствие, не сможете постичь в себе истинного начала всех ваших скорбей, то ищите хотя бы самого элементарного: *закалить* так своё самообладание, чтобы не допустить ни единой пошлой мысли: «Это такие люди, что лучше с ними не связываться». «Я готов своё отдать, только бы избавиться от общего с этими людьми дела», — а *сам* влез в это общение, хотя его предупреждали «не связываться» своей судьбы даже в малом деле с людьми «несносными». Ибо не люди виновны, но сам человек, не имевший тесной и неразрывной связи с двумя мирами, а делавший свои обычные дела, как дела одной земли.

Для вас, люди круга, *нет* ни деда, ни людей одной земли. Наоборот, *каждый* — кто бы он ни был, без исключения, — с кем вы входите в сношения (тоже каковы бы ни были земные обстоятельства и дела, которые вы с людьми совершаете), *каждого* вы вводите в более повышенную ступень духовного развития.

Для всех вас, люди круга, с этого дня — как вы прочли эту записку — слова мои становятся *новым законом* вашего поведения в вашем обычном сером дне.

Несовершенство ваших аур происходит от постоянной закрепощенности вашего духа. Вы живёте в постоянном напряжении, возбуждаетесь легко и радуетесь очень туго. А для того чтобы следовать за Учителем и *удерживать* в своём сердце конец красной нити Учителя, надо уметь легко радоваться и чрезвычайно туго возбуждаться...

Мгновение — и всё кончено для человека, в смысле его общения с землёй. И как горько плачут те, что не умели подумать о близких им людях иначе, чем видеть в них те объекты, где всеми силами «надо» установить «мир».

Но разве мир-Свет, мир-Радость, мир-Сияние Единого в себе и поклон Единому во встречном, то есть та высшая сила самоотвержения, о которой говорит Учитель, произнося слово «мир», равны той обывательской пошлой суете, которую стремится установить в своём доме человек, махая руками и похлопывая по плечу то того, то другого, лишь бы не бранились?

Точно и чётко поймите. Если вы находитесь под пятой у кого-то или желаете забрать в рабство чей-то дух, если в вашем доме ссоры и постоянное возбуждение, вы виноваты. И тяжко виновны, что не сумели *жить* в полной освобождённости и переносили рабство ревности, подчиняясь тем требованиям, которые заставляли дух ваш мельчать, и данные вам *Жизнью* таланты не умели ни развить, ни подать их на пользу и украшение своему окружению.

Отныне переступите порог прошлого и направьте *всё* своё сознание *на жизнь в новом законе*, а не на «принятое» его умом.

Сердце и сознание должны — точно по электрическому толчку — мгновенно сливаться в гармонию при каждой встрече. И в ту же минуту искра Любви Учителя должна ударить по вашей ауре, а вы — активно, без замедления — послать от себя ток в ауру вошедшего встречного. Он для вас — цель, хотя пришёл бы к вам по вашему делу.

Как для Учителя вы — цель действий Его любви, так для вас встречный — *цель* вашего внимания до конца.

Не ищите оправданий себе, если встречному не передали искры Учителя, ему посланной через вас.

Закону новому давно учил вас, когда говорил класть на голову встречного жемчужины розовые, жёлтые, оранжевые.

Те, кто выполнял моё веление, уже создали в своей воле-Любви рельсы восприятия встречного, как посла Учителя. Те же, что и сейчас не смогут выполнить закон Учителя, — тем придётся выйти из круга и всей силой любви им удастся удержаться за кругом.

17

Самое важное в дне дежурящего, а не теряющего попусту время ученика — это видеть всё своё окружение постоянно в двух мирах.

Должна создаться не «привычка» восприятия жизни земли как временного служения светлому человечеству. Но вся психика ученика должна развиваться и расширяться как вечный труд, в котором нет мест во вселенной, где можно жить в «блаженном» ничегонеделании и вымаливать себе это «ничего-неделание», молясь: «Упокой со отцы». Надо научиться жить в мире и Свете.

Когда провожаете какую-то «личность» в последний земной путь, помните о том, что не «личность» уходит от вас, но единица Света, которой нужны не ваши слёзы саможаления, но ваше мужество до конца, в котором вы — сознательно — обязаны приложить всю активность своей доброты, мира, спокойствия и радости, чтобы украсить цветами сердца новый путь уходящего друга. Вы должны свидетельствовать о том, что уходящая душа умела украсить земное существование кому-то, умела внести мир в чье-то сердце. Но сделать это вы не сумеете, если глаза ваши будут плакать.

Вступить в закон новом в ежедневную серую череду дней — это значит сейчас для вас: защитить, утвердить, упрочить в Вечности вашу часовню «Ступеней Милосердия», выстроенную трудами не только ваших невидимых хранителей, помощников и защитников, но и вашими трудами любви и милосердия, вашими — людей круга.

Каждый раз, когда вы побеждаете в себе какие-то страсти, когда вы увидели освобождёнными глазами, что не страсть важна как таковая (ибо нет такой страсти или слабости, которая в конце концов не была бы побеждена), но важно именно ваше самообладание, важно, как вы сумели восстановить в себе равновесие и гармонию, важно — скоро, медленно или сразу вы внесли всё ваше усердие, все ваши мысли в активную, бодрую борьбу с одолевающей вас страстью или же вы — в саможалении — забыли о милосердии Учителя, о двух мирах, забыли, что только активность духа поднимает человека из каждого падения.

Разумеется, каждый опьянённый страстью — в каком бы виде ни выражалась эта страсть — падает мгновенно на дно пропасти. Но разве это безнадежно? Разве допустимо, проходя столько дней в радости ощущения милостивой руки Учителя на своей голове, вдруг упав, сказать себе: «Плохи мои дела».

Когда так человек говорил, можно ли назвать его учеником? Он жил в эти мгновения *только* на земле, он «забыл» о втором мире. Верность его была равна нулю.

Но верность Учителя никогда не может быть равна нулю, ибо для Него человек, которому Он отдал своё внимание, стал *целью навеки*. И жизненная нить между Ним и учеником не может быть разрушена даже в тех случаях, когда Он спасает человека в Тайной Общине.

Для каждого из людей круга должно быть понятно, что *его* поведение не составляет только его *личного* дела. Поведение *каждого* есть *круговая* порука чистоты и Света со всеми людьми круга. А «круг» — это и есть та часовня «Ступеней Милосердия», что выстроилась всеми учениками-строителями. «Все за одного, и один за всех» — это не задание ума, но великая *сила* Радости, целящая, животворящая, утверждающая.

Помнить, думать, *действовать* надо, *всегда* ощущая чашу дежурства, и *сознательно* идти день труда не как «я» и «мне», но *через* меня путь к человеку — *цели* Учителя. И если я споткнулся, скорее хвататься за чашу руками. Крепче, устойчивее стоять на ступени Часовни, чтобы дело Учителя страдало меньше от *моей* неустойчивости.

Всё, что «было», может стать одуванчиком, если не сосредоточивать мысли на страсти, а хвататься крепче за хитон Учителя.

Мир *нести* земле в данное тяжкое время — очень трудно. Но может его нести устойчиво только тот, чьи глаза не плачут, чьи руки чисты, чьи уста не знают жала языка, чья мысль не воспринимает осуждения.

Радостность стирает с доски дня всё. Уныние вдавливают в доску всё, и астральные уроды пользуются унынием, как разбойник фомкой.

18

Изумительная картина забот, защиты и помощи открывается взору каждого человека, освобожденность которого от страстей даёт ему возможность увидеть труд и творчество невидимых помощников.

Но чтобы дойти до величия «увидеть» два трудящихся мира, надо достичь в себе гармонии. Никаких, общих всем, указаний в этом пути достижения нет. Не верьте никаким йогам, по указке которых человек может «высидеть» гармонию своего существа. Вся сила во всех достижениях духовных сокровищ заключается в лёгкости дежурства.

Если «сегодня» человек сумел легко принять *все* свои обстоятельства, он двинулся к тропе Учителя и помог ускориться пути всего своего окружения в эволюции Вечного Движения. Если же роптало его сердце, мучительно были раны его «я», не только он стоял на месте, но и всё встреченное им в дне что-то потеряло в своей уверенности и мужестве.

Каждый труженик земли понимает, что ко всякому труду надо приготовиться утром. Во сколько же раз сосредоточеннее должен готовиться утром тот человек, который знает, что для него невозможен иной «день», что у него есть только «дежурство». И всё же необычайно рассеянны и легкомысленно ведут себя люди, которых ввёл Учитель в круг.

Не только к слиянности в труде с собой не мог подвести Учитель всех людей круга, но едва одного-двух мог отметить как сияющие ауры. Почему так трудно включаться человеку земли *в действия* двух миров? Почему, начиная день, человек не вводит себя и своё окружение в два мира? Почему *первой* его мыслью не бывает благословенная молитва за счастье *знать* свой и каждого вечный путь? А ведь только с этой вышки глядя, имеет смысл существование человека на земле.

Какое значение должен придавать ученик слову «смысл»? Что за понятие должно жить в душе человека, когда он думает о «смысле» его существования в данный миг?

Неужели только личный успех самоусовершенствования составляет смысл жизни?

Если в конечной цели духовного роста не усматривается человек, смысл жизни не понят. Когда говорил о «круговой поруке», говорил именно о том, что *все* духовные достижения ученика составляют рельсы для движения в духе и огне *встречного*. Не имеет никакого значения, какие слова скажет ученик. Весь смысл в том, чтобы *сам* ученик нёс в себе песнь торжествующего счастья *жить*, отдавая встречному доброту Учителя. Если *в каждой* встрече между учеником и человеком сияла фигура Учителя, неудачной встречи быть не могло. Если же жил не дух Учителя, а уверенность одного своего «я», смысл протекающей минуты был потерян.

Вход в храм мира — сердце человека. И в этом храме горят не лампы чадящего масла, а сияет огонь чистоты ученика. На похоронах не пляшут, но и не плачут. На похоронах тела поднимаются в высокий мир, чтобы постелить свой хитон света отходящей душе. Помните, земная смерть есть одно из новых рождений человека. Шлите радость в путь отходящей душе. Этим защитите её от астрального кольца, ибо Радость — сила непобедимая. И только чистоты и Радости боятся обитатели астрального мира. Ученик *должен* быть защитой каждому и, если мысль его чиста, он лучше всякой молитвы защищает человека.

Первая мантра каждого мудреца — чистая мысль. На ней выросшее самообладание — нерушимо.